Кинооператор Анатолий Заболоцкий

В сентябре–ноябре 2018 года жители приленского села Анга и окрестных районов, а в декабре 2018-го — январе 2019 года жители Иркутска имели возможность познакомиться с большой фотовыставкой Анатолия Заболоцкого «Жизнь подарила увидеть». Наряду с фотографиями на выставке было представлено около 30 изданий — книги самого автора, а также альбомы, сборники и журналы, в оформлении которых Анатолий Дмитриевич принимал участие с использованием своих фотографий.

Произведения для выставки были предоставлены Пермской государственной художественной галереей, которая обладает самым большим собранием авторских фотографий А.Д. Заболоцкого. Организация выставки в Иркутске последние годы была заветным желанием автора. Дело в том, что к Иркутску у художника особое отношение: здесь жил и творил его друг и единомышленник, крупнейший русский писатель Валентин Распутин. Идея показать фотовыставку в Иркутске принадлежала Валентину Григорьевичу: он написал о работах Заболоцкого замечательно точные слова, послужившие глубокой и проникновенной аннотацией к выставке. Но при жизни писателя выставку организовать не удалось. И только благодаря настойчивой инициативе А.Д. Заболоцкого, поддержанной руководством Иркутской области, выставка состоялась. Подготовкой и организацией выставки занимался Иркутский краеведческий музей и лично директор музея Сергей Геннадьевич Ступин. Выставка была приурочена к Дням русской духовности и культуры «Сияние России» и посвящалась автором памяти В.Г. Распутина.

Анатолий Дмитриевич — сибиряк, принадлежит поколению шестидесятников. Его родина — деревня Сыда Краснотуранского района Красноярского края, где в 1935 году он и родился в крестьянской семье. Закончил операторский факультет Всесоюзного института кинематографии. Как оператор-постановщик на разных киностудиях СССР участвовал в создании 15 художественных и 8 документальных фильмов. Наиболее известны картины, снятые им с режиссёром и актёром Василием Шукшиным.

С конца 1970-х годов Заболоцкий стал отходить от кинематографа и заниматься художественной фотографией и оформлением книг, в том числе таких извест-

ных авторов, как Василий Белов и Владимир Солоухин. Свою позицию объяснил следующим образом: «Я ушёл не вообще из кино, а из того, которое сегодня культивируется». Захотелось быть «хозяином своих дум».

Провинциалу из сибирской глубинки пробиваться было не просто. По воспоминаниям Заболоцкого, они с Шукшиным оказались во ВГИКе «белыми воронами» среди подготовленных людей, ничего не знали, не могли так же, как москвичи, одеваться и питаться, формулировать своё суждение. Благоговели перед ними уже только потому, что они коренные москвичи и им прямая дорога на «Мосфильм». Но зато, говорит Анатолий Дмитриевич, кинулся в учёбу со страстью, без каникул. «Сейчас-то я уверен, именно это обстоятельство и заставило меня выбиваться только своим трудом», — утверждает Заболоцкий.

Отмечает он и некоторые особенности институтского обучения, которые пришлось преодолевать: «…Мы стеснялись своего отечественного искусства и не знали его. ….Обучаясь пластическому видению мира, никто из нас не слышал о письмах Сурикова, Коровина, Шишкина, Крамского об этом. Мы пробовали освоить для экрана отрывки из Сартра, Рильке, Кафки и даже Кьеркегораи… Никто не слышал о живущих в то время в Москве Алексее Лосеве или Константине Мельникове. К концу учебного процесса я был уверен, что кино есть только на Западе, наше — слабые его задворки».

Реальная практика многое поставила на свои места. Вот как он пишет об этом сам: «Первого октября 1960 года появился я на «Беларусьфильме» и с головой ушёл в работу. Вооружённый полученным в институте, общежитии, Москве миропониманием, я был готов развалить все старые установления, уверенный в правоте только нефигуративного искусства, корёжил я действительность широкоугольной оптикой, заковывал актёров светом в неестественные позы, почему-то редко наталкиваясь на их гнев. За несколько лет работы без простоев приобрёл производственно-профессиональный опыт, а жизнь и общение с собратьями по киноделу возвратили меня к реализму. Заново повернулся я к передвижничеству. Частые командировки для выбора натуры позволяли бывать в запасниках многих музеев страны. Подолгу разглядывал картины, находил в них смысл, который в одном кадре или фотографии не удержать. Оглядываясь на годы, проведённые на «Беларусьфильме», радуюсь: мне удалось победить малограмотное левачество, привитые прогрессивной атмосферой ВГИКа тех лет. Я трудился, почитай, без выходных дней». Трудился не равнодушно, с внутренней страстью. Фильмы, снятые с участием А.Д. Заболоцкого, определили лицо белорусского кинематографа периода хрущёвской оттепели. Здесь судьба подарила ему встречи с яркими и незаурядными личностями — писателями и сценаристами, режиссёрами и актёрами.

Первая полнометражная картина «Последний хлеб» (1963), сработанная с режиссёром Б.М. Степановым, была быстро снята с проката, но заслужила добрый отзыв Василия Шукшина и подарила ему встречу с замечательным артистом и человеком Георгием Жженовым, для которого этот фильм стал первым после его освобождения из лагеря. Фильм «Альпийская баллада» (1965), снятый с тем же режиссёром Б.М. Степановым по одноимённой военной повести Василя Быкова, имел резонанс, в том числе международный. Оператор А.Д. Заболоцкий получил Диплом Союза кинематографистов СССР (1968), а фильм был награждён как лучший иностранный фильм на Международном кинофестивале в Дели. Не забыт он и в XXI столетии: в 2003 году фильм участвовал в ретроспективном показе в Каннах.

Этапным в истории советского кинематографа, посвящённого событиям Великой Отечественной войны, стал фильм «Через кладбище» (1964), снятый Заболоцким с будущим классиком белорусского искусства, режиссёром В. Туровым по повести писателя и сценариста Павла Нилина. На V кинофестивале республик Прибалтики, Белоруссии и Молдавии в Таллине в 1965 году фильм «Через кладбище» получил Диплом II степени, режиссёр Туров — приз за дебют, оператор Заболоцкий — за изобразительное решение фильма. В 1995 году по решению ЮНЕСКО фильм вошёл в список 100 лучших фильмов о войне.

Оригинальный по замыслу и жанру фильм-притча «Христос приземлился в Гродно» (1967) режиссёра В. Бычкова попал в список картин, названных в перестроечное время «полочными». Поставленный по сценарию классика белорусской литературы В. Короткевича, он вышел на экраны через 22 года под авторским названием «Житие и вознесение Юрася Братчика». В фильме снимались будущие звёзды советского кино — Л. Дуров, В. Авдюшко, В. Носик и др. Копия картины была приобретена Ватиканом.

Регулярные фестивали республик Прибалтики, Белоруссии и Молдавии способствовали широким знакомствам и творческим договорённостям. Известный литовский режиссёр В. Желакявичус пригласил Заболоцкого снимать фильм «Садуто туто». После запрета сценария Желакявичус порекомендовал оператора известному эстонскому режиссеру К. Кийску. На этот раз сотрудничество состоялось. В фильме «Безумие» снимался цвет литовской и эстонской культуры: Ю. Ярвет, В. Пансо, Ю. Мильтинис, Б. Бабакаускас и др. Сложный и драматичный фильм не имел большого проката, но сегодня эстонцы считают этот фильм одним из лучших, снятых на студии «Таллинфильм». В 2018 году в Таллине на международном кинофестивале «Темные ночи» А.Д. Заболоцкий был назван легендарным российским оператором.

Вместе с полученным профессиональным опытом и опытом выживания (по Заболоцкому — выстаивания) в душе накапливалась неудовлетворенность. Хотелось снимать иной сценарный материал с близким по духу режиссёром. В это время на «Беларусьфильм» для актёрской пробы приехал Шукшин. Во ВГИКе дружбы между ними не было, но тогда, по воспоминаниям Заболоцкого, «встретились… родственно. В душе от него остался след добрый, зовущий. Расстались с надеждой: будем работать вместе, только бы час настал». После разговора в Минске прошло более двух лет. И вот пришла весть: Макарыч просит появиться в Москве. Запускают Разина.

Заболоцкий без каких-либо колебаний и сомнений устремился в Москву, в полную неизвестность и неопределённость. Начинается новый, «шукшинский» период его творчества. Официально фильм о Степане Разине «Я пришел дать вам волю», действительно, запустили. Съёмочная группа провела трудную многомесячную подготовительную работу, проехали по местам разинских походов — Саратов, Симбирск, Казань, Свияжск, Астрахань. Сидели в библиотеках, музеях, хранилищах, накапливали иконографический и исторический материал. По словам Анатолия Дмитриевича, после Астрахани была у Макарыча окрылённость. Продолжили выбор натуры и поиск подлинных предметов эпохи. Проехали по городам Золотого кольца — Владимиру, Тутаеву, Ростову Великому, побывали на Вологодчине, в Пскове и Псково-Печерском монастыре. Замысел фильма разрастался, накапливалось историческое знание. Уже определились с консультантами, можно было приступать к съемкам. Но худсовет студии им. А.М. Горького прак-

тически единогласно принял решение закрыть фильм на неопределённый срок, до лучших времён, объяснив этот шаг неподъёмной дороговизной проекта. В утешение Госкино позволило Шукшину запуститься со сценарием «Печки-лавочки», ранее отвергнутым. Сотрудничество с Шукшиным состоялось на двух последних фильмах режиссёра — «Печки-лавочки» (1972) и «Калина красная» (1974). Работа над этими картинами — отдельная большая история для другого материала.

После смерти Шукшина Заболоцкий ещё некоторое время снимает фильмы с другими режиссёрами — В. Венгеровым, В. Абдрашитовым, С. Никоненко, Н. Бурляевым. Но наступали иные времена, возникло ощущение, что пора уходить из кино. По словам Заболоцкого, «...пришло другое поколение, которое совсем по-другому смотрит на народ, на державу…».

От депрессии спасла работа над книгами. Первой по инициативе автора была проиллюстрирована книга Василия Белова «Лад». Работа дала неоценимый опыт. После неё издательство доверило художнику «Слово о полку Игореве». Через некоторое время к Заболоцкому обратился В.С. Солоухин с просьбой оформить его книгу «Письма из Русского музея».

С этого времени вышло около 30 изданий с фотоработами А. Заболоцкого: книги, альбомы, фотокалендари — результат многократных поездок по бескрайним просторам Советского Союза и России. Автор отмечает, что наиболее интересно было работать над двумя изданиями книги Василия Белова «Лад», книгой Владимира Солоухина, юбилейным изданием «Слово о полку Игореве: 800 лет» и фотокнигой «Лик Православия».

Воспоминания А. Заболоцкого о соратнике и друге «Шукшин в кадре и за кадром» вышли в совместном издании с В. Беловым в 2002 году. Будучи многолетним членом редколлегии и художником «Роман-газеты», он оформил не один десяток журналов.

Большие выставки фотографий Заболоцкого состоялись в Совете Федерации, храме Христа Спасителя, московском Манеже, Перми. Выставочное пространство в Иркутске вместило более ста пейзажей, портретов, натюрмортов, сюжетных композиций, анималистики. Для подготовки экспозиции и встреч со зрителями Анатолий Дмитриевич прилетал из Москвы и в Ангу, и в Иркутск. Экспозиция строилась в профессиональных и творческих спорах. Выстраивали смысловые и тематические блоки, искали внутренние связи, находили для каждой фотографии соседство, подчеркивающее пластическое достоинство каждой.

Выставка свидетельствуют об ориентации автора на язык и выразительные средства классического искусства, и прежде всего, русскую реалистическую живопись, на образное видение, исчезающее из практики современного искусства. Каждая фотография — картина со своим сюжетом, композицией, смыслом. Образы устойчивы и монументальны, без полутонов и недоговорённостей. Очевиден глубокий интерес автора к России традиционной, провинциальной, к приметам национальной жизни и быта, к людям, её населяющим и обретшим достоинство в труде. Изгнанные из современного искусства образы простых людей-тружеников, для Заболоцкого продолжают оставаться подлинными героями.

Снимал и портреты, и жанровые сцены. Интересны названия многих работ: они выступают как простой документ, который в сочетании с изображением повествует о времени и о судьбе. Таковы «Бабушка Анна. 50 лет работала дояркой в селе Езово Кубенского района Вологодской области», «Александр Кузнецов. Парторг, он же директор клуба, гармонист, киномеханик и художник-оформитель под своим творением».

Встречаются композиции, говоря лексикой советских времён, на тему труда. И это не только сюжеты, показывающие труд как непосредственное действие. Больше композиций, где об этом рассказывается более опосредованно. Например, работа «Окно сенника, сработанное дедом В.И. Белова в XIX веке. Как монументально оно смотрится сегодня». Художник не только восхищается мастерством, но ведёт сложный разговор со зрителем об утерянных рукотворных традициях обустройства своего дома и своего мира. Из этого же ряда фотография «Уникальное гумно, построенное без металла».

Но главными героями Заболоцкого, властителями его дум, являются представители интеллигенции, близкие ему по мировоззрению. Большие серии снимков посвящены В. Шукшину, В. Белову, В. Распутину, М. Евдокимову, В. Клыкову.

На выставке обращает на себя внимание цикл портретов, выполненных в традициях классического реалистического портрета. Среди героев — М.А. Савицкий, белорусский художник, прошедший войну и немецкие концлагеря, Ю.П. Кузнецов, крупнейший поэт второй половины XX века, А.С. Панарин, философ и публицист, Ф.Ф. Конюхов, путешественник, исследователь и священник, писатели В.И. Белов и В.Г. Распутин. В основе образного решения — иконография погрудного портрета, взятого крупным планом и лишённого жанровой трактовки. Герои портретных образов словно предстоят перед зрителем и воспринимаются как своеобразные портреты-памятники. Легко угадывается стремлеие автора увековечить своих героев, оставить для потомков уважительно снятый документальный их облик. В образе М.А. Савицкого автор подчеркнул остроту психологического состояния, уловил ощущение тревожной одинокости человека. А.С. Панарин, напротив. открыт миру, привлекает способностью нести в душе радость бытия. В образе Ю.П. Кузнецова привлекает внутренняя гармония и тонкая восприимчивость, не показной артистизм. Ф.Ф. Конюхов предстаёт как библейский персонаж, наделённый необоримой духовной силой, а В.И. Белов и В.Г. Распутин как внутренне свободные личности, не любящие позы и внешнего артистизма. Названным качествам последних двух портретов близок «Автопортрет с комарами», в котором самоирония начисто снимает пафос самопиара.

Природа в работах Заболоцкого — живой организм, своего рода личность, равновеликая человеку. Художник и любуется природой, и одновременно видит её как реальную среду человеческих трудов и забот. Он соединяет бытовой жанр, мотивы архитектуры с пейзажем в таких отношениях, что отдать предпочтение какому-либо из них невозможно. Правильнее говорить не о жанрах, а об образах России. Мир в произведениях Заболоцкого целостный, наполнен многоголосием, пронизан жизненной энергией и внутренними ритмами. Не только могучие ели и вечные камни, но даже птицы и звери, одинокие хрупкие цветы на камнях и травки на сломанных опорах моста выступают у него олицетворением упрямого торжества и упорства жизни. Автор радуется и восхищается разнообразием и неповторимостью российского ландшафта: величественным Валаамом и снежными вершинами Саянских гор, камнями и порогами Катуни, праздничным от яркого цвета и обилия света осенним Алтаем и водопадами Камчатки.

Образ, созданный на снимке «Знаменитый хакасский курган Чаатас» с взлетающим над каменными плитами соколом заставляет вспомнить картины В.М. Васнецова и ассоциируется с историческим пейзажем. Нередко пейзажи выступают не в качестве частного уголка природы, а в обобщённом виде, как лик страны России. «Остров Валаам» Заболоцкого — это мир эпического покоя и вселенской гармо-

нии. Сотворённые руками человека монастырские сооружения вдали и природа — земля и лес, вода и небо — сосуществуют в удивительной взаимосвязи. Создана поэтическая модель мира, в котором природное и духовное (человеческое), конкретное и общее слилось в целостный и возвышенный образ. Особым состоянием зачарованной тишины и печального покоя отличаются зимние пейзажи. Они наиболее иносказательны и музыкальны, наполнены тонкой поэтической лирикой.

Иное решение пейзажных образов Камчатки. Там всё находится в непокое. Это мир воды и камня, он полон движений, изменений и превращений. Он словно втягивает зрителя в могучий круговорот бытия, заставляет испытывать чувство радостной тревоги. Художнику удалось создать образ грандиозного мира в своём первозданном, сущностном проявлении жизни. В снимке «Камчатский ковёр» мир предстаёт ярким волшебным зрелищем, как в первый день творения.

Ярким романтическим чувством наполнены фотографии-панорамы «Восход солнца на горе Синай, где Моисей получил 10 заповедей» и «Иордания. Крепость Ирода, где был обезглавлен Иоанн Креститель». Преображение слепящим золотистым светом натурных форм и фактуры явно берёт верх над повседневной и конкретной реальностью. Путём яркого декоративного обобщения образ возносится до уровня высокого и исключительного. Художник создаёт образ Святой земли как пронизанный метафизическим светом образ вечности. В духовно-смысловом плане эти образы замыкают художественную картину мира, созданную автором в своих произведениях.